

Сергей Сухонос

БУДУЩАЯ РОССИЯ

Первая часть книги Сергея Сухоноса была опубликована на страницах нашего журнала в № 7–8 за 1995 год.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Русское дело

Есть ли шанс у русского народа пойти не путем американских индейцев в резервации, а путем японцев, скачком вырвавшихся на уровень наиболее развитых стран?

С точки зрения западников — вряд ли. По их мнению, русский народ в лучшем случае достоин благодарности за то, что когда-то сдержал нашествие татаро-монголов на Европу и дал ей возможность развиваться. А сам он так отстал от западного прогресса, что отстал навсегда. И теперь ему надо учиться, учиться и еще раз учиться жить, как ОНИ.

С точки зрения некоторых патриотов... тоже нет. Потому что учиться у НИХ нечему. Россия и так хороша в своей духовности, а ресурсов хватит на самодостаточную экономику с необозримым будущим. Надо развернуться к НИМ задом и жить по-своему. В этом, мол, и есть самобытность пути России.

А возможен ли третий вариант, когда именно самобытность русского пути позволит выйти на дорогу мирового прогресса? Путь не самоизоляции, но и не слепого копирования пусть даже успешного опыта Америки, Европы, Японии и т.п.

Этот путь будет возможен, если предположить, что, во-первых, западная цивилизация в обозримом будущем с исторической неизбежностью передаст «майку лидера» новому типу цивилизации. И, во-вторых, если в русской цивилизации заложено историей нечто самобытно-ценное именно для этого нового этапа развития человеческой цивилизации.

Рассмотрим сначала второе условие. Для этого нам необходимо будет бросить взгляд в историю Великороссии, потому что именно она благодаря своей преобладающей численности населения и центральному географическому положению определяла главную ось событий в России. Но в отличие от традиционных исторических экскурсов в историю власти, борьбы за нее и бунтов против нее, в историю становления и расширения государства с его войнами и победами, мы бросим взгляд в историю становления и развития РУССКОГО ТРУДОВОГО ХАРАКТЕРА.

1. Зарождение

Нет ничего более важного для понимания процесса развития любого народа, чем первоначальный этап его зарождения. В нем как в генетической матрице за-

кладывается вся историческая судьба народа. И эта матрица проявляется особенно ярко в переломные моменты его жизни.

Зарождение русского трудового характера, определяющего стиль Русского Труда, который мы дальше будем называть более расширенно Русским Делом, подразумевая, что такое специфическое именно для русского народа дело его ждет в XXI веке, произошло во время заселения Великороссии в X–XII веках. Этот период особенно хорошо охарактеризован у В. Ключевского. Отметим следующие факторы, оказавшие на него влияние:

Первый фактор: переселение шло в пространства без границ и малозаселенные, в основном финно-угорскими племенами, борьбы с которыми за территорию практически не было. Поэтому для великоросса стала привычна ПЕРМАНЕНТНАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ БЕЗГРАНИЧНЫХ ПРОСТРАНСТВ с преодолением сопротивления ПРИГОДНОЙ, а не социальной среды.

Второй фактор: поскольку переселение охватывало очень большие пространства с очень суровой природой, которые в одиночку не освоить, и происходило часто скачками, то для великоросса высшим мотивом его душевного строя является ГЛОБАЛИЗМ СВЕРШЕНИЙ В ЕДИНСТВЕ С СОРОДИЧАМИ. Он понимает, что справиться с опасностью извне и с трудностью перехода на новые просторы можно лишь всем миром.

Третьей фактор: из-за больших труднопроходимых пространств переселение происходило стихийно и государством практически не контролировалось. Такое самодеятельное заселение и очень слабый контроль в дальнейшем заложили в характер великоросса АНАРХИЧНОСТЬ, которая выплескивается на поверхность в моменты исторических изменений его жизни. Отсюда и особенности дикого русского бунта, не сдерживаемого никакими правилами. В обыденной жизни АНАРХИЧНОСТЬ сидит глубоко внутри души великоросса, и самоосознание ее опасности порождает в противовес ей консерватизм и желание иметь над собой строгую и твердую верховную власть.

Четвертый фактор: в момент колонизации бескрайних равнин Великороссии плотность населения была крайне низка, поэтому незаселенная земля как бы постоянно звала людей. Этот дефицит породил традицию ОТКРЫТОСТИ И ГОСТЕПРИИМСТВА, ТЕРПИМОСТИ к любым национальным и религиозным отличиям, что впоследствии дало основу для ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМА.

Посмотрим теперь на свойства тех пространств, которые достались в качестве объекта заселения великороссам и которые положили основу Русского Дела в периоды его стабильного бытия.

Первое. В те времена земля эта представляла собой в основном густые и болотистые леса, сплошь покрытые паутиной сетью рек и речушек. Выбрать на них большие пустые площади для посева не было возможности. «Поселенец среди болот и лесов, — пишет Ключевский, — с трудом отыскивал сухое место, на котором можно было бы с некоторой безопасностью... выстроить избу. Такие сухие места были редкими островками среди моря лесов и болот. На таком островку можно было поставить один, два, много три крестьянских двора... Причем тогдашние приемы обработки земли сообщали подвижный, неусидчивый, кочевой характер... хлебопашеству». Наиболее распространенными были мелкие поселения, удаленные друг от друга часто на большие расстояния, которые еще более увеличивались непроходимостью болот. Выжигая лес на нови, крестьянин через шесть-семь лет вынужден был искать новый островок, который зачастую находился на значительном удалении от предыдущего. Таким образом, он переходил с места на место, не имея возможности долговременного обустройства какого-либо участка земли.

Второе. Лето в средней полосе России было в два раза короче, чем в Европе, дожди имели свойство выпадать не тогда, когда надо, и в целом характер погоды был капризен, непредсказуем и даже, пожалуй, коварен. Любой эксперимент в таких условиях грозил оставить семью крестьянина без продуктов, что приводило к угрозе голода.

Такой образ трудовой жизни поселенцев развил в великороссах очень специфический характер.

Во-первых, САМОДОСТАТОЧНЫЙ УНИВЕРСАЛИЗМ. Каждый из поселенцев должен был стать своеобразным Робинзоном Крузо, но выживать ему приходилось в условиях не бананово-кокосового изобилия, а в суровых северных лесах. Это требовало ИЗВОРОТЛИВОСТИ как неременного условия выживания, а также НЕПРИХОТЛИВОСТИ, умения довольствоваться самым необходимым. Находясь в условиях автономного хозяйствования, великоросс совершенно не рассчитывал на помощь удаленных от него соседей. В этот период в **Великороссии не развилась кооперация**, основанная на разделении труда, и в народе сохранился первобытный холистический образ восприятия природы, в котором не было места узкой специализации. Целостность его общения с природой порождала не просто универсализм, а УНИВЕРСАЛИЗМ СИНТЕЗИРУЮЩИЙ. Природа воспринималась им одушевленной во всех ее проявлениях.

Хуторское расселение и неразвитость кооперации привели к тому, что производство на Руси изначально приобрело явно НЕТОВАРНЫЙ характер, что впоследствии роковым образом скажется на конкурентоспособности российских товаров. Практически все, что делалось в хуторе, делалось для себя, своих нужд, поэтому, не нуждалось во внешней лоске. Достаточно, чтобы вещь была функциональна.

Очень важно отметить, что уединенность хуторской жизни развила в великороссе стремление работать в одиночку, без сторонних наблюдателей. «Великоросс лучше работает один, когда на него никто не смотрит, и с трудом привыкает к дружному действию общими силами», — писал В. Ключевский. Это заложило глубоко в основу русского характера трудовой ИНДИВИДУАЛИЗМ.

В. Ключевский отмечает также, что постоянная необходимость поиска новых мест для поселения, а также очень сложные погодные условия с их непредсказуемостью до чрезвычайности развили в великороссе ПРИРОДНУЮ НАБЛЮДАТЕЛЬНОСТЬ, что отразилось впоследствии во множестве народных примет о погоде. В то же время сделать какие-либо надежные прогнозы было крайне трудно. Противопоставляя капризам природы свой каприз, великоросс часто вопреки логике поступал на авось, как бы включая генератор случайных решений или опираясь на интуицию. Отсюда развилась РИСКОВАННОСТЬ его характера, эвристичность принимаемых решений.

Наиважнейшей специфической чертой Русского Дела стала АВРАЛЬНОСТЬ, порожденная коротким и дождливым летом, когда необходимо было, надрываясь, успеть сделать все сельхозработы. «Ни один народ в Европе не способен к такому напряжению труда на короткое время, которое мог развить великоросс, но нигде в Европе, кажется, не найдем такой непривычки к ровному, умеренному и размеренному, постоянному труду, как в той же Великой России» (В. Ключевский). Наиболее ярко это свойство запечатлено в образе Ильи Муромца, который до 33 лет на печи провалялся, а после 33 побил всех врагов Руси.

Важно отметить еще одну сторону характера, заложенную самими условиями существования великоросса — БЕСХОЗЯЙСТВЕННОСТЬ в буквальном смысле этого слова. Земли было всегда много, и в силу ее временной необходимости она

никогда не ценилась так же, как, например, в Европе. Бросая каждый раз насиженное место, великоросс знал, что найдет целину получше. Такой полукучевой образ жизни не давал особенно привязаться к дому, постройкам и вообще к какой-либо недвижимости. На новом месте все приходилось отстраивать заново, и, естественно, делалось это на время, не рассчитываясь на века. Такая жизнь порождает привычку к ОТСТРАНЕННОСТИ от СОБСТВЕННОСТИ, главной основой которой всегда была земля. Не развилось у великоросса чувство собственности, и не развилось отсюда особое уважение к собственности других. Многие исследователи впоследствии отмечали это безразличие к культуре собственности. А ведь именно этот культ стал фундаментом и краеугольным камнем западноевропейской цивилизации.

Итак, какими же основными чертами наделила природа великоросса? **Универсализм и целостность, изобретательность, эвристичность и наблюдательность, непрехотливость и бесхозяйственность, авральность и индивидуализм** — вот специфические черты русского характера в деле. Над этим стоит набор черт, свойственный ему в переломные моменты жизни своей и народа в целом: **глобализм и непоседливость, анархизм и сплоченность в моменты опасности, открытость и терпимость.**

Безусловно, поскольку здесь рассматривается основа Русского Дела, то многие другие черты русского характера, которые очень тесно примыкают к перечисленному выше набору, не упоминаются. Но одна из общих таких черт, которая буквально раздирает все в русском характере и сбивает почти всех его исследователей с толку, требует упоминания — это **ПАРАДОКСАЛЬНАЯ КРАЙНОСТЬ ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЕЙ**. Если, например, русский терпелив, то после определенного порога он безудержен в бунте. Изобретательность и непоседливость умудряются уживаться с его консерватизмом. Индивидуализм соседствует с коллективизмом, а бесхозяйственность с крайними проявлениями инстинктов собственника. Впоследствии мы покажем, что эти противоположные свойства сосуществуют рядом только за счет разнесения их в жизненном пространстве на разные ситуационные «полочки». Например, авральность и запредельный трудовой энтузиазм летнего периода естественно соседствуют с полуленивым зимним проживанием. Истоки такой противоречивости — в космической беспредельности российских просторов, которая породила необычайную **ШИРОТУ ХАРАКТЕРА**, проявляющуюся в том, что любое человеческое качество в русском человеке имеет как бы полюсное, крайнее состояние: «все или ничего», если владеть — так всем миром, а нет — так пусть не будет ничего.

Такой народ не воодушевить мечтой о маленьком уютном домике на берегу швейцарского озера, но такой народ пойдет на любые трудовые усилия ради **ГЛОБАЛЬНОЙ ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЦЕЛИ**.

2. Развитие и расширение

Все, что зародилось в болотистых великорусских лесах в уединенной тиши овладения природой, все это жило и развивалось на протяжении последующих столетий вплоть до революции 1917 года. Ни смена типа государственности, ни татаро-монгольское иго, ни переход на трехпольную систему земледелия не изменили основы **РУССКОГО ДЕЛА**. Конечно, что-то добавилось и развилось, что-то ушло в глубинные основы характера и ждало своего проявления до поры до времени, что-то исказилось под воздействием изменившихся условий жизни, но принципиальных изменений не произошло.

Российские просторы оставались почти до самой революции столь же беспредельными и безграничными. Недаром же Екатерина II назвала Россию Вселенной. И на протяжении всех этих столетий шло постоянное расширение ее границ, продолжалась **перманентная колонизация** окраин.

Только в XIX веке натолкнулось это движение на социальное сопротивление среды, особенно остро проявившееся на Кавказе.

Стихийный **анархизм** долгое время находил себе отдушину в бегстве наиболее непокорных крестьян на окраины страны, что породило затем уникальное явление казачества, для которого охрана и расширение границ государства были не наймом на время, а «национальной» казачьей традицией. Наличие этого явления в русской жизни долгие годы играло роль предохранительного клапана для чрезмерного анархизма и свободолюбия. Но начиная с XIX века естественное расширение России в бесконечные пространства уперлось в границы очень плотных социальных районов. Принципиальная возможность традиционного для Руси расширения пространства обитания без сопротивления социальной среды себя исчерпала. Возможно, что это привело ее к перегреву в замкнувшихся впервые за многие столетия границах и стало одной из причин внутреннего взрыва 17-го года, когда переизбыток населения и анархичных элементов в нем, не найдя выхода вовне, отразился вовнутрь и, сметая все на своем пути, был затем остановлен железной рукой диктатуры.

Глобализм свершений особенно ярко проявлял себя в моменты необходимости коллективного отпора врагу. Это проявилось на Куликовом и Бородинском полях, в заселении Сибири и в таких экстраординарных событиях, как реформы Петра I. Р. Пайпс*, например, отмечает, что русским крестьянам была несвойственна внешняя эмиграция поодиночке, а внутренняя миграция всегда осуществлялась чуть ли не всем селом.

Гостеприимство и терпимость к другим культурам и верованиям на протяжении всего этого периода не требуют каких-либо доказательств. Даже недоброжелатели России вынуждены признавать, что многие из окраинных народов с радостью вливались в Российскую империю под управление русского царя, а русский народ никогда не проявлял национальной нетерпимости даже к своим бывшим смертельным врагам.

Таким образом, верхняя надстройка Русского Дела в его глобальном проявлении не изменилась в течение столетий, сохранив свои первоначальные особенности. Посмотрим же, что происходило с фундаментом Русского Дела в его обычном каждодневном существовании.

Трехпольная система земледелия закрепила крестьян на постоянных землях, но неблагоприятные климатические условия не позволили обустроить эти земли так же основательно, как, например, в Европе. Скудость почвы и неустойчивость погоды позволяли еле-еле собирать тройной урожай от посева, в то время как в Европе этот коэффициент рос постоянно и приближался в XIX веке к 7–10. Урожай хватало лишь на прокорм и налоги, на продажу и накопление уже ничего не оставалось. Плохие дороги и большие расстояния между селами сохранили стиль **самодостаточного универсализма**. Конечно, уникальный универсализм русского крестьянина делал его чрезвычайно живучим, но не позволял развиваться специализации, поднять производительность труда и за счет этого накопить капитал.

* Р. Пайпс — американский ученый, специалист по истории России, советник президента Р. Рейгана по СССР.

Городов в том смысле, как их воспринимают в Европе, в России в это время было относительно ее огромной территории чрезвычайно мало. По утверждению Р. Пайпса, в екатерининские времена города не столько появлялись, сколько «назначались» из крупных сел, но при этом по своим традициям и образу жизни так селами и оставались. Ремесленничество, которое в Европе породило промышленность, в России оставалось сугубо побочным промыслом крестьян в зимнее время. Большая часть промышленности по-прежнему была расположена в селах, а не в городах.

В сельхозработах все так же доминировала **авральность** которая за эти годы закрепилась даже в религиозных традициях. «В середине XIX века в центральных губерниях страны 153 дня в году отводились под праздники, причем большая их часть приходилась на период с ноября по февраль. Зато примерно с апреля по сентябрь времени не оставалось ни на что, кроме работы» (Р. Пайпс). К этой же черте близко примыкает **рискованность**. Русский «авось» у военных трансформировался в «русскую рулетку», а богатую знать сделало главными завсегдатаями казино в Монте-Карло и Баден-Бадене.

Скудные природные условия и неустойчивая погода все так же воспитывали **изобретательного и изворотливого, неприхотливого и нетребовательного** труженика, **сметка и наблюдательность** которого отмечались как многими иноземными путешественниками, так и Пушкиным, писавшим о русском крестьянине: «...О его смелости и смышленности и говорить нечего... Проворство и ловкость удивительны». Левша — наиболее яркий собирательный образ этого набора черт русского трудового характера, и он не случайно появился в лесковской прозе.

Нетоварность промышленного производства. Неумение крестьян организовать товарное производство очень ярко описано в книге Г. Успенского «Власть земли». Отторжение продукта труда от конкретного потребителя моментально порождало халтуру и обман, которые тут же исчезали, когда заказчиком выступал какой-нибудь англичанин Чарльз. Островки промышленности организовывались в основном иностранцами и не являлись показателем Русского Дела.

Бесхозяйственность. Земля по-прежнему мало держала крестьянина. Во-первых, потому, что кормила лишь на уровне выживания, во-вторых, потому, что ее избыток сохранился вплоть до XIX века. Поэтому «русский крестьянин всегда готов был бросить землю и отправиться бродить по стране в поисках более легкой и доходной работы» (Р. Пайпс). Дома в подавляющем большинстве оставались деревянными, то есть крайне недолговечными, дороги — проселочными, мосты — временными. Накопление труда в объектах недвижимости практически не происходило за исключением нескольких крупных городов. У Г. Успенского об этой стороне русской жизни написано ярко и наглядно. Когда он попытался подвигнуть крестьян на постройку гати через болото в четверть версты, то встретил полное нежелание:

«— Захотели вы с нашим народом! Нешто наш народ присогласишь? Нечто он что понимает?» — ответил ему в сердцах один из наиболее хозяйственных мужиков.

«Хуже той обстановки, в которой находится труд крестьянина, представить себе нет возможности, и надобно думать, что тысячу лет тому назад были те же лапти, та же соха, та же тяга, что и теперь. Не осталось от прародителей ни путей сообщения, ни мостов, ни мельчайших улучшений, облегчающих труд», — свидетельствует Г. Успенский.

Индивидуализм в труде. Нет более расхожей легенды среди русских интеллигентов, чем легенда о глубинной общинной сущности русского мужика. Хомя-

ков, даже как-то раз сказал, что «русский человек, порознь взятый, не попадает в рай, а целой деревни нельзя не пустить». И хотя это справедливо, существует веское мнение, что передельская община не имеет древнего, стихийного, «народного» происхождения, а была создана государством для удобств податного обложения.

Общность. Трудовой индивидуализм крестьян был **вынужден** мириться с внешней необходимостью жить вместе в общине. У Г. Успенского мы встречаем очень яркие описания общинных правил и порядков, из которых следует неожиданный на первый взгляд вывод: община служила не столько для единения крестьян в общем труде, сколько для справедливого раздела общего природного пирога и внешних повинностей. Она мирила непримиримых хозяев-индивидуалистов, которые бы без нее непременно передрались за лишний клочок земли до полной гибели. Успенский сетует на то, что сообща миром крестьяне не могли решить пустяковые проблемы ради увеличения коллективного дохода, «и в то же время самые, на мой взгляд, пустяшные, ничего не стоящие мирские дела, вроде мирской загороди или дележа лядины, поглощают массу общественного внимания: тут меряют по двадцати раз то, что давно вымерено, меряют и веревками, и саженьями, и кольями, и лаптями, да чтобы носком непременно в пятку попадал о...». Наблюдения показывают, что и в наше время этот часто поминаемый общинный дух россиян питается по большей части проблемами **справедливого раздела**, а не проблемами организации коллективного труда. Коллективный труд всегда на Руси воспринимался как внешняя повинность за редчайшими исключениями «помочи» да артельного труда. Но первый был крайне редок, а второй был **отхожим** промыслом, то есть делом непривычным и временным. Безусловно, что из этого правила были и исключения, которые как раз в силу своей редкости ярко бросались в глаза и дают повод нашим интеллигентам сетовать на то, что если бы не большевики, то русский человек давно бы в артелях чудеса творил. Но стоит только поставить рядом описание общинной жизни в русской деревне и в деревне, например, японской, как легенда эта рассыпается прямо на глазах. Коллективный труд в японской общине был организован на порядок выше, чем в русской общине, и носил постоянный характер.

Коллективизм русских людей проявляет себя во время отдыха, то есть за пределами дела. Ходить в гости в русских деревнях — любимое развлечение. А вот ходить в гости у японцев как раз не принято! (В. Цветов.)

Исконная тяга к индивидуальному хозяйствованию сразу проявила себя, когда был снят гнет внешних условий. Сразу после отмены крепостного права, как только чиновник и помещик утратили власть над личностью крестьянина, началось разложение сложной семьи. И хотя крестьяне знали, что процесс этот экономически невыгоден, они «тем не менее не только не желали жить под одной крышей с родителями и родней, но предпочитали с ними вместе не работать» (Р. Пайпс). Вследствие этого накануне революции в России преобладали **мелкие** сельские хозяйства.

Есть все причины считать, что вплоть до революции Русское Дело оставалось таким же, каким оно зародилось в период заселения Великороссии. Менялись правители, экономические условия, расширялись границы России, присоединялись новые народы, но ядром всего этого оставался уникальный набор трудовых традиций, который вряд ли сыщешь такой второй в мире, как не сыскать такой же второй Руси. И если Господу зачем-то было угодно создать великорусские просторы, то неизбежен и характер заселившего их народа, ибо любой другой народ на этих просторах либо вымер бы, либо трансформировался в такой же, как русский. Недаром русская пословица гласит: что русскому здорово, то немцу — смерть.

3. Зарождение промышленности в России

Если бы каким-то чудом Россия оказалась самостоятельной планетой, промышленность в ней зародилась, может быть, спустя многие тысячелетия, а может быть, даже никогда. В Европе промышленность появилась благодаря совершенно противоположным географическим и климатическим условиям. Скудность населения на небольших территориях и благоприятный климат создали все предпосылки для закрепления крестьян на постоянных участках земли, что способствовало их постепенному улучшению и обустройству, накоплению недвижимости. В Италии, например, до сих пор пользуются дорогами и водопроводом времен Римской империи. Плотное заселение и постоянство проживания как нельзя лучше способствовали развитию кооперации с последующей все более углубляющейся специализацией и дифференциацией, развитием товарного производства. Более благоприятные природные условия, менее частые и менее разрушительные войны позволяли накапливать капиталы, без которых, как известно, невозможно создание крупной промышленности. Машинный период развития прогресса как раз требовал все более узкого разделения труда, поэтому западноевропейская ветвь человеческой культуры на этом этапе получила исторические преимущества, которыми она не преминула воспользоваться. Развивая за счет более совершенного оружия захват остального мира, эта культура постепенно перешла на ресурсную подпитку почти со всего земного шара. В настоящее время дифференциация и специализация достигли своего предела во всех областях западноевропейской культуры, материализовавшись наиболее ярко в конвейерной системе производства и бытового обслуживания.

Как видно из предыдущих разделов, в России не мог возникнуть аналогичный общественный уклад в силу прямо противоположных условий ее существования. В результате промышленность в России зародилась не естественным путем, а была внедрена искусственно и под воздействием в первую очередь внешней угрозы. И, как показывает исторический анализ, все дальнейшее развитие промышленного производства России происходило скачками в моменты крайней необходимости ликвидации военно-технического отставания от западного соседа. Таким образом, не будь прямой угрозы с Запада, в России промышленное производство возникло бы, видимо, даже позже, чем в Китае. Естественно при этом, что развитие промышленности России осуществлялось силами западных капиталов и специалистов. Капиталы же привлекались либо в обмен на проданное сырье, либо в обмен на сырье обещанное. При этом крайне интересно проследить, как взаимодействовали на территории России ее исконное Русское Дело и привлеченное для его защиты от внешней угрозы Дело Западное.

Первые промышленные предприятия в России были основаны в XVII веке чужеземцами, которые получали лицензии от правительства и приезжали исключительно с царского разрешения. Русская железоплавильная промышленность пошла с литейных цехов Тулы и Каширы, созданных голландцем Винусом и немцем Марселисом, взявшимися обеспечить русские войска оружием. Марселис также заложил основы русской медеплавильной промышленности. Производство бумаги и стекла было основано шведами, первый суконный двор в Москве построили голландцы. Очень примечательно и поучительно, что все подобные предприятия находились под покровительством монархии, а финансировались совместно царскими (то есть централизованными) и иностранными капиталами. Администраторы и квалифицированные рабочие набирались исключительно из-за границы.

Следующий и наиболее заметный скачок промышленность России совершила при Петре I, который для обеспечения регулярной армии и флота был вынужден создавать собственную оборонную промышленность. Почти все новые отрасли

промышленности работали на армию, и число их выросло более чем в 4 раза (!). Вот когда зародился отечественный ВПК. Занятно, что стиль его управления с тех пор практически не изменился: «Государство давало указание о качестве и количестве изготавливаемой продукции... было собственником всех средств производства, диктовало цены и потребляло почти всю промышленную продукцию, предприниматели могли быть уволены за проступок, а рабочая сила была закреплена... Хотя при Петре существовала промышленность, промышленного капитализма при нем не было», — свидетельствует Р. Пайпс.

Освоив в семнадцатом веке основы мануфактурного производства и горного дела с использованием дисциплинированной рабочей силы, россияне жили этим багажом два столетия. Но неудачи русского оружия в Крымской войне дали толчок новой фазе — развитию тяжелой промышленности на паровой и электрической тяге, которая создавалась опять же иностранцами начиная с 1880-1,890-х гг. «Когда Министерство финансов взялось в 1880-х гг. за поощрение широкого подъема промышленности, русские предприниматели снова выказали мало желания участвовать в этом деле... Современную угольную и сталелитейную промышленность Донца и Кривого Рога основали англичане, а финансировалась она совместным английским, французским и бельгийским капиталом. Нефтяные промыслы Кавказа были пущены в ход английскими и шведскими предпринимателями. Немцы положили начало русской электротехнической и химической промышленности... железнодорожный бум, в котором русский капитал принимал важнейшее участие... создавался в основном евреями и обрусевшими немцами... Бурный подъем русского промышленного производства, в 1890-х гг., по темпам не имевший себе равных ни до, ни после того, был не столько естественным продолжением внутреннего хозяйственного развития России, сколько следствием пересадки в нее западных капиталов, техники и, главное, западных организаторов индустрии... Лишь после того, как главный риск взяли на себя иностранцы, в тяжелую промышленность устремился русский капитал. Вследствие этого накануне революции треть промышленных капиталовложений в России и половина банковского капитала в ее крупнейших банках были иноземного происхождения» (Р. Пайпс). Комментарии, как говорится, излишни.

Итак, в подавляющей массе крестьянской России до революции доминировало Русское Дело, и лишь в тонком наносном слое промышленного производства, которое затрагивало лишь мизерную часть населения страны, развивалось Дело Западное. Они существовали долгое время, как бы не видя друг друга, не оказывая друг на друга существенного влияния. Влияние соседней западноевропейской культуры коснулось в первую очередь аристократии и технических спецов. Однако, несмотря на малочисленное представительство, Западное Дело в силу своего государственного и оборонного значения было представлено во властных структурах непропорционально велико. Об этом свидетельствует и статистика, которая показывает, что с 1700 года по 1917-й в высших эшелонах власти 37,6% руководителей были иностранного происхождения, по большей части западноевропейского и в первую очередь немецкого. Ни в одной другой стране мира корни власти не лежали так мелко в национальной почве! Ни в одной другой стране знать не была так далека от своего народа и не преклонялась так откровенно перед культурой народов соседних. И ни в одной другой стране интеллектуальная часть знати — интеллигенция — так плохо не понимала свой народ, как в России, навязывая ему чужие идеи и схемы, презирая его за то, что он живет не так, как народ Европы. И лишь небольшая часть русской интеллигенции и аристократии, которая, увы, не делала погоды, делала Русское Дело, подготавливая его триумф в будущем.

Синтез же Русского Дела и Дела Западного в необоронных отраслях приводил к удивительным гибридам, поражавшим европейцев своей немислимой диковиной структурой. По выводам того же Р. Пайпса, центр промышленности и торговли в России лежал не в городе, а в сельской местности, где главенствовал крестьянин-предприниматель, который действовал в невообразимо тяжелых условиях. «Единственным его преимуществом была близость к земле: расходы на рабочую силу были невелики, а в тяжелый момент она всегда могла заняться хлебопашеством... Необходимость сочетать сельскохозяйственные и несельскохозяйственные занятия... привела... к отсутствию четко очерченного разделения труда и высококвалифицированных... торговцев и ремесленников» (Р. Пайпс). В этом описании легко проглядывает **универсализм**.

Итак, Россия подошла к XX веку необычным айсбергом, у которого лишь незначительная видимая всему миру верхушка была кое-как приспособлена к Западному Делу, а невидимая подводная часть оставалась во власти Русского Дела. И даже беглое сопоставление этих двух дел показывает, насколько несовместимы они в своих главных принципах. **Вписать универсального, синтетического, изобретательного и аврального русского труженика в прокрустово ложе узкой специализации западного конвейера с его жестко регламентированной дисциплиной и монотонно-размеренным ритмом труда — задача архитрудная и практически до конца не выполняемая.** Однако остаться крестьянски самодостаточной в XX веке Россия уже не могла. На то было несколько очень важных причин, которые мы рассмотрим дальше. Таким образом, чистая индустриализация России грозила полным искоренением Русского Дела, а его сохранение препятствовало ее предстоящей индустриализации. И если в других народах были какие-то точки соприкосновения с культурой западного производства, например, привычка к размеренному монотонному труду, то в России Русское Дело по всем главным параметрам находилось на противоположных полюсах с Делом Западным. Снятие этого противоречия могло пройти исключительно по драматическому сценарию и ценой огромных жертв народа.

Проблема внешняя — вписаться в международное разделение труда — усугубилась грандиозным внутренним кризисом, упоминание о котором почти, к сожалению, не встречается в литературе. В России к концу XIX века разразился демографический взрыв, который привел к двукратному увеличению населения всего за 40 лет. Начиная с 1900 года ее население пополнялось на 1 миллион человек. На первый взгляд в этом не было трагедии — Россия была по-прежнему очень велика. Но если посчитать пригодную для земледелия площадь, то даже разделив ее **всю** между крестьянами, можно было получить дополнительно лишь 0,8 га на человека, что все равно не решало проблемы села. Таким образом, к концу века в России назрела острая нехватка земли. И если в Европе эта же проблема снималась за счет миграции населения частью в колонии, а частью в города, где его поглощало все увеличивающееся промышленное производство, то в России в силу различных причин это оказалось невозможным. Следовательно, каждый год за границы нормального существования должны были бы выбрасываться миллионы крестьян, которые были крайне плохо приспособлены для адаптации в городских условиях и к конвейерному производству. Более того, традиционно сложившаяся как земельная, русская аристократическая власть, на которой держался царский двор, не в состоянии была перестроиться в новых условиях на новую цель — индустриализацию России. С этим не смогла бы справиться и буржуазная власть, которая бы пыталась пройти этот путь в рамках цивилизованного позднего капитализма с его парламентом и свободами, в то время как русский материал представлял для этой

цели совершенно невероятную проблему, решать которую можно было экстраординарными средствами.

Анализ предреволюционного состояния России показывает, что на германском фронте не было кризиса и разложения армии, основная масса крестьян жила во время войны даже лучше, чем до этого. В городах также не было кризиса. Кризис был в будущем России, которой уже не было в ее старом обличье. Или нужно было каждый год истреблять по миллиону русских в какой-нибудь военной авантюре, или нужно было эти миллионы выпроваживать за пределы страны, либо нужно было вписать Русское Дело в рамки Дела Западного и снять демографический кризис за счет миграции этих миллионов в город, где им нужно было найти место в промышленном производстве. Последнее, как мы видим, было далеко не самым легким вариантом.

Итак, Россия, страна превалирующего Русского Дела, вынуждена была вживлять в себя Западное Дело, вместе с которым к 1917 году на ее поверхность нанесло немало и западной культуры. Промышленное производство в России в силу этого не имело глубоких корней в народных традициях и во многом было чуждо народному духу. При таком противоречии оно не могло составлять серьезной конкуренции европейскому производству и удовлетворяло в основном потребности обороны и некоторых внутренних нужд. Экспорт в первую очередь базировался на ресурсных областях.

В силу этого, когда, начиная с XX века, стал формироваться международный рынок разделения труда, русско-западный гибрид промышленного производства оказался перед весьма опасной перспективой быть задавленным конкурентами. В то время не было железного занавеса, но его роль выполняли огромные расстояния и слабые транспортные и информационные сети. Однако появление телеграфа, самолетов и развитие в России железнодорожной сети делали этот естественный занавес все более прозрачным. Положение усугублялось тем, что Россия не могла серьезно конкурировать и на рынке сельхозпродуктов, так как производительность труда и природно-климатические условия здесь были ниже, чем в Европе и Америке. Знаменитые продовольственные поставки России в Европу, как показывают исследования, шли не от избытка продуктов, которых крестьянам не хватало до европейских норм, а в основном от помещиков, которые пользовались дармовой рабочей силой и за счет низких цен могли конкурировать на европейском рынке. Такое положение дел не могло быть достаточно прочным.

Выход из этого демографического и эволюционного тупика в XX веке оказался настолько неординарным, трагичным и сложным, что судьба Русского Дела в Советской России и прогноз его развития на XXI век требуют отдельного и подробного исследования.